

шинного фонда русского языка. (Материалы к методической школе-семинару). – М., 1988. – С. 145–176.

2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.

3. Дидковская, В. Г. Парадигматические свойства фразеологических сочетаний в русском языке / В. Г. Дидковская. – Новгород, 1996.

4. Добровольский, Д. О. Фразеология как явление живой русской речи / Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов // Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. – М., 1994.

5. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – М., 1986.

6. Караулов, Ю. Н. «Четыре кита» современной лингвистики, или о предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке (от содержания науки к ее истории) / Ю. Н. Караулов // Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке. – М., 1986. – С. 33–52.

7. Ларин, Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) / Б. А. Ларин // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М., 1977.

8. Миловицкий, Л. Я. Семантика переходности и семантика неопределенности / Л. Я. Миловицкий // Проблемы лингвистической семантики: Материалы межвузовской научной конференции. – Череповец, 1996. – С. 5–11.

9. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М., 1980.

10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М., 1996.

Словари

РАС: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1–4 / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – М., 1994–1996.

МАС: Словарь русского языка. Т. I–IV. – М., 1981–1984.

УДК 811.161.1'28

Е. Н. Ильина

Вологодский государственный университет

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ФОКУСЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект 15-04-00205 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома», научный руководитель: Л. Ю. Зорина)

В статье представлен обзор теоретических проблем и принципов описания диалектной языковой личности. Анализируется опыт ее изучения в различных диалектологических центрах России, рассматривается галерея речевых портретов сельских жителей Русского Севера, опубликованная в серии изданий «Народная речь Вологодского края», комментируется лингвоперсонологический потенциал источников различной жанровой и стилистической принадлежности.

Диалектология, языковая личность, вологодские говоры.

This article is devoted to the review of theoretical problems and principles of the dialect language personality description. The author analyzes the ways of studying the dialect language personality used in the different Russian dialectology centers. In the article the special attention is paid on the speech portraits of villagers of the Russian North, published in the books named "Folk speech of the Vologda land". The author describes the potential of the literary sources differing in genre and style for studying the language personality.

Dialectology, language personality, Vologda dialects.

Введение.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение языковой личности наших современников – жителей различных регионов, представителей разнообразных профессий, носителей различных типов языковой культуры. Исследование языковой личности включает в себя описание ее типов и уровней реализации, факторов, определяющих свойства языковой личности, характеристику источников речевого материала, позволяющих реконструировать наиболее значимые для личности фрагменты картины мира [2], [4], [16], [17], [28] и др. В сфере лингвистической персонологии активно изучается феномен *диалектной языковой личности* [9], [14], [20], [22], [27] и др. Это овокупность проявляемых в языке свойств человека – жителя опреде-

ленной местности. В процессе анализа речи диалектной языковой личности может быть реконструирована модель мира, свойственная жителям данной местности (диалектная языковая картина мира), а также могут быть описаны региональные варианты материальной и духовной культуры этноса. Социокультурные трансформации российских деревень, сокращение в них числа коренных жителей – носителей территориальных диалектов, хранителей бытовой и духовной культуры – усиливают необходимость фиксации их устной речи, создания архива диалектных текстов, на базе которого могут быть описаны особенности диалектной языковой личности.

Исследование диалектной языковой личности осуществляется в различных направлениях. Одно из важнейших направлений этой работы – создание

словарей. В русской диалектологии широкую известность получили «Диалектный словарь личности» В. П. Тимофеева [31], «Словарь диалектной личности» В. Д. Лютиковой [20], «Экспрессивный словарь диалектной личности» Е. А. Нефедовой [26], «Словарь языка старообрядки Агафьи Лыковой Г. А. Толстой (под. общ. рук. Л. Г. Самотик) [32], «Полный словарь диалектной языковой личности» Е. В. Иванцовой [13], преимущественно ориентированные на описание языковой личности носителей говоров с севернорусской основой.

На базе словарных картотек и корпусов текстов языковой личности исследуются особенности её лексикона. Наиболее известны в этом направлении работы Е. В. Иванцовой [12], обобщившей опыт лингвоперсонологических наблюдений Томской диалектологической школы [14]. Диалектную языковую личность, по мнению исследователя, отличают большая конкретность речевых ситуаций, устная форма пополнения лексикона, его специфический объем и словарный состав, особенности наполнения типологических классов и реализации системных связей, функциональные характеристики словника и пр. Интересна в этом отношении работа В. И. Трубинского «Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем»: она ориентирована на комплексную характеристику фонетических, лексических и грамматических особенностей речи информанта, одновременно репрезентируя ее тематические и жанрово-стилистические особенности [34].

Жанрово-тематическое разнообразие текстов, порождаемых диалектной языковой личностью, а также особенности применения различных речевых стратегий и тактик также привлекают внимание исследователей [6], [7], [24] и др. Заметный вклад в этом направлении вносит докторская диссертация В. Д. Лютиковой «Языковая личность: идиолект и диалект» [20], посвященная языковой личности Валентины Михайловны Петуховой, уроженки Курганской области, 1920 г. рождения. Автор характеризует диалектную языковую личность информанта, с одной стороны, как носителя говора, а с другой – как творческую индивидуальность. Наблюдения В. Д. Лютиковой касаются особенностей лексикона, стилистической дифференциации речи информанта, арсенала используемых им средств словотворчества и украшения речи, проявлений языковой рефлексии.

Важный аспект изучения диалектной языковой личности составляет описание речи представителей одной семьи. Например, это серия статей о речевых особенностях семьи старообрядцев Лыковых [23], [29], [33] и др., а также «Диалектный словарь одной семьи» Е. Е. Королевой, отразивший опыт 45-летних наблюдений автора за речью носителей псковских говоров [18]. Лингвоперсонологические наблюдения, основанные на записях речи членов одной семьи, дают возможность обнаружить типичные для неё свойства лексикона, а также обратить внимание на актуальные для этой семьи явления локальной картины мира.

Характер коммуникативного поведения языковой личности находится в центре внимания ученых Са-

ратовского лингвистического центра. Докторская диссертация В. Е. Гольдина «Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии» [5] обращает внимание на особенности установления и поддержания контакта в диалектной среде, специфику реализации этикетных формул, сопровождающих типичные прагматические ситуации, различия в восприятии одних и тех же речевых реакций носителями литературного языка и территориальных диалектов.

Основная часть.

Спектр проблем диалектной лингвоперсонологии весьма широк. Многие из этих проблем находятся в центре внимания исследователей локальных особенностей речи жителей Вологодского края. Весьма разнообразен круг привлекаемых диалектологами источников: это записи бытовой речи, фольклорных текстов, письменные документы мемуарного характера и пр.). Длительное изучение речи сельских жителей Вологодской области в Вологодском государственном университете позволили не только сформировать обширную лексическую картотеку, послужившую основой «Словаря вологодских говоров» [30] и ряда других лексикографических проектов [3], [11] и др., но и систематизировать значительный по объему корпус текстов, записанных со слов отдельных информантов. Актуализации этих материалов служит проект «Народная речь Вологодского края», в рамках которого в настоящее время представлены речевые портреты носителей вологодских [15] и белозерско-бежецких [25] говоров.

Первая книга с таким названием содержит пять речевых портретов жителей восточных районов Вологодской области: Междуреченского, Усть-Кубинского, Тарногского, Тотемского, Бабушкинского. Описание речевого портрета каждого информанта включает в себя краткую биографическую справку, представление записанных с его слов текстов в форме звучащей речи, орфографической записи и упрощенной фонетической транскрипции, а также комментарий собирателя, относящийся к наиболее ярким особенностям языковой личности информанта.

Фрагменты народной речи, представленные в книге, весьма интересны в жанровом и тематическом отношении: это и мемуарная проза, посвящённая судьбам своего поколения и родной деревни, это и записи народных частушек, и примеры бытовой речи, иллюстрирующие крестьянское отношение к труду, к природе и к обществу. Кроме того, комментарии к каждому из разделов решают серьезные лингвистические задачи. Это реконструкция региональной системы русского речевого этикета (Л. Ю. Зорина), исследование диалектной языковой картины мира вологодского крестьянина посредством описания отдельных трудовых ситуаций (П. Н. Задумина), выявление универсально-жанровых и локальных особенностей бытования фольклорных текстов (Е. Н. Ильина), комплексное описание диалектной языковой личности (С. А. Ганичева, С. В. Шильниковская).

Так, например, описание языковой личности Василия Ардадьоновича Морозова, уроженца вологод-

ского Междуречья, знатока народной жизни и летописца родной деревни, основывается на текстах его рукописи «Памятка о прожитом», воспоминаниях членов его семьи и анализе текстов звучащей речи информанта. В. А. Морозов сочетает в себе свойства обстоятельного бытоописателя, фиксирующего все события деревенской жизни, рачительного хозяина, берущего на заметку технические новшества сельскохозяйственного производства, резонера-морализатора, блюдущего основы патриархальной общины, и блестящего рассказчика, мгновенно схватывающего суть характера представляемых им персонажей. Неординарность языковой личности информанта находит своё воплощение в текстах различной жанрово-тематической направленности, иллюстрированных пейзажными и портретными зарисовками автора.

Языковая личность информанта демонстрирует очевидные локальные черты. На когнитивном уровне об этом свидетельствует тематическая организация продуцируемых им текстов (прошлое и настоящее родной деревни, память своего рода), система значимых для информанта объектов описания (природа и быт Междуречья, мужской крестьянский труд, отношения между односельчанами и родственниками), система оценок, определяющая в качестве эталона крестьянский «лад» – гармонию человека с собой и с «обществом». С точки зрения выбора языковых средств очевидны языковые черты Вологодской группы северного наречия. Это и типичное для этой территории заударное ёканье («Как мы с братцом *Сашой* росли, в каком уходе – мы не запомнили»), и совпадение форм Тв. и Дат. падежей во мн. числе («У неё высвобождалось время на уход за личным скотом и *курам*, на варёж и заготовку пищи для семьи»), и использование причастий как сказуемых в безличных предложениях («*И было молено* всем богам и святой Богородице»), и многие другие диалектные явления. Диалектизмы практически отсутствуют в описаниях истории заселения края и его социально-экономических особенностей, но весьма активно проявляются в зарисовках, отражающих быт и нравы родного края: «Как-то во время отсутствия мамы, *опихавшей* на сарае крупной овёс, Саша, мой старший брат, вздумал прыгать с верхнего *приступка лаза* на печку. Я на такое героизм *насмелиться* сразу не смог, вот он и решил научить меня. Взял отцов пояс-кушак, привязал его к *воронцу*, а потом к моей шее, как гарантию, чтобы я не упал и не разбился, посадил меня к себе на *закукорки* и спрыгнул со мной на пол. Кушак оказался коротким, и, оказавшись в петле, *захлёстнутой* на шее, я повис между полом и воронцом, отдавая богу свою несмелую молодую душу... Прибежала мать, видя наши дела, не растерялась, перерезала кушак... А когда все были уже перевязаны-забинтованы, оба получили по голой ж... *семихвостную дёру* с наказом, чтобы впредь не выдумывали таких игрушек».

Оценивая специфику речевого поведения информанта, уместно обратиться к воспоминаниям родственников о «междуреченском патриархе» в повседневном общении, на семейных праздниках и во

взаимодействии с коллегами по работе: *Папа был начитанным, образованным, умным человеком, за советом по многим вопросам к нему ходили многие мужики из нашего Заречного района. Где он узнал про школьный дневник в те послевоенные годы? Не знаю, но у меня был такой дневник, сделанный папой. В конце каждой недели я показывала папе свои оценки, а он расписывался в этом дневнике. А ещё папа был хорошим гармонистом. По праздникам в доме собиралась вся наша родня, папа играл весело, звонко, женщины плясали и пели частушки, подбадривая гармониста. А сколько они знали этих частушек – бесчисленное множество!!! (из воспоминаний дочери Н. В. Бородкиной). Я хорошо помню дом деда и бабушки на Заболотном переулке: покрашенный голубой краской, с нарядным балкончиком в мезонине. Запомнила сурового с виду, но доброго и рассудительного деда Василия, хлопотливую и аккуратную бабушку Шуру с её неугасимой энергией, жадным любопытством по отношению ко всему, что происходит вокруг. Помню наши походы в фотоателье: дед Вася хотел, чтобы на общих фотографиях рядом с ним были все его родственники – братья, сёстры, дети, внуки, зятья, невестки. Помню, насколько гостеприимным был их старый дом с пирогами, с частушками под гармошку, с долгим, обстоятельным обсуждением новостей – что международных или всесоюзных, что из родного Междуречья. Особую гордость испытали старики, когда их первого правнука назвали Василием. Бабушка не раз говорила: «Новый Василий Морозов родился, семья дальше жить будет» (Из воспоминаний внучки О. И. Морозовой).*

Продолжением серии наблюдений над речью сельских жителей Вологодского края является монография «Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района», подготовленная диалектологами Вологды и Череповца. Территория древнего Белозерья, весьма интересная и хорошо изученная в лингвистическом отношении [10], [35] и др., рассматривается здесь посредством реконструкции речевых портретов уроженцев этой местности. Среди них представлены люди различного возраста и уровня образования: рабочая рыболовецкой артели, сельская учительница, работница горно-металлургического комбината из Мончегорска, командир воздушного судна из Вологды. Их объединяет то, что все они в той или иной мере сохранили в своей речи черты белозерско-бежецких говоров, а также то, что они хорошо знакомы с бытовой и духовной культурой родного края. На основе записей звучащей речи авторы монографии предлагают комплексное описание фонетики говоров Кирилловского района (Н. Г. Михова), анализ лексики тематической группы «Природа» (С. А. Ганичева), исследование морфемии и словообразования исследуемых говоров (Е. Н. Ильина). Сравнение полученных наблюдений с известными ранее фактами на этой территории приводит авторов к выводу о том, что на фоне сглаживания диалектных явлений в сфере фонетики и грамматики весьма активно сохраняется диалектная лексика. Она помогает информантам сохранить в памяти фрагмен-

Изучение народной речи жителей Вологодского края ждет своего продолжения. В настоящее время сложился значительный по объему архив записей речи жителей Сямженского района (Л. Ю. Зорина), Шекнинского района (Е. П. Андреева), выполнена серия выпускных квалификационных работ [21], [38], др., посвященных анализу диалектной языковой личности, на основе вологодских материалов исследуются коммуникативные и психолингвистические проблемы изучения диалектной речи [36], [37]. Систематизация результатов этих наблюдений может внести существенный вклад в описание когнитивных, инвентарных и поведенческих параметров диалектной языковой личности.

1. *Альмухамедова, З. М.* Из наблюдений над речью Лыковых старожилов на реке Абакан / [З. М. Альмухамедова и др.] // Фонетика и письмо. – Устинов, 1986. – С. 103–115.
2. *Богин, Г. И.* Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов // автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984.
3. Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики: Учебное пособие по русской диалектологии. – Вологда, 2011.
4. *Воркачев, С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–81.
5. *Гольдин, В. Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. Е. Гольдин. – Саратов, 1997.
6. *Гынгазова, Л. Г.* Жанр оценки в языке личности / Л. Г. Гынгазова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. – Томск, 1998. – С. 40–49.
7. *Демешкина, Т. А.* Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) / Т. А. Демешкина // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 67–69.
8. *Демидова, К. И.* Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. – СПб., 2008. – С. 68–76.
9. *Ерофеева, Т. И.* «Речевой портрет» говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск, 1990. – С. 90–103.
10. *Захарова, К. Ф.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / [К. Ф. Захарова и др.]; отв. ред. – В. Г. Орлова. – М., 1970.
11. Золотые россыпи: словарь устойчивых оборотов речи в вологодских народных говорах. Вологда, 2014.
12. *Иванцова, Е. В.* Антропологистика в Томской лингвистической школе / Е. В. Иванцова // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. – Екатеринбург, 2004. – С. 36–38.
13. *Иванцова, Е. В.* Идиодialeктный словарь сравнений сибирского старожила / Е. В. Иванцова. – Томск, 2005.

- Вестник Череповецкого государственного университета 2015 • №2

36. Черняева, М. И. Мультилингвизм народной речи: из опыта диалектологической работы в Кичменгско-Городецком р-не Вологодской области / М. И. Черняева // Лингвистика смотрит в будущее. Вып. 3. – Вологда, 2013. – С. 49–54.

37. Шаброва, Е. Н. Диалектологическая практика как коммуникативный процесс / Е. Н. Шаброва, И. В. Смирно-

ва // Русское слово вчера и сегодня. – Архангельск, 2005. – С. 209–212.

38. Шавардынина, М. А. Речевой портрет старшего родственника: бакалаврская работа / М. А. Шавардынина. – Вологда, 2013.

УДК 81.811.112.2

Р. Х. Каримова

Бакирский государственный университет

«ТАРАМ-ПАРАМ» ИЛИ ГЛАГОЛЫ С СЕМАНТИКОЙ ПУСТОСЛОВИЯ (КОМПАРАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В статье на материале двух языков подвергается подробному исследованию концептуальный признак «болтать, празднословить». Названный признак выделяется нами в содержании образной составляющей концепта «Труд». Предметом исследования выбраны глагольные и фразеологические единицы немецкого и русского языков, объективирующие анализируемый признак в составе фрейма «бездельничать».

Концептуальный признак, сема, лингвокультурный концепт, синоним, лексема.

The article studies the conceptual sign «talk» on the example of German and Russian lexemes. This sign is singled out within the content of the concept «labour». The subject of the research covers German and Russian verbs and phraseological units with the help of which this sign is reflected in the content of the frame «to be idle».

Conceptual sign, seme, linguocultural concept, synonym, lexeme.

Введение.

Изучение лингвокультурных концептов находится под пристальным вниманием многих ученых (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин) и является предметом исследования научных школ Воронежского, Краснодарского, Волгоградского и других университетов [3], [4], [7], [16]. Описание картины мира посредством концепта как ментальной единицы открывает широкие перспективы видения языка во всех его многообразных связях с человеком, его интеллектом и разумом, всеми мыслительными и познавательными процессами и с теми механизмами и структурами, которые лежат в их основе [9, с. 34].

В. И. Карасик выделяет в структуре языковой личности ценностный, познавательный и поведенческий планы, автор вводит термин «коммуникативная личность». По мнению ученого, ценностный план коммуникативной личности содержит этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период [7, с. 22].

Содержание концепта «Труд», согласно его значению в толковых словарях немецкого и русского языков, включает в первую очередь целенаправленную деятельность, приводящую к результату. Следствием этого является идея успешности, результативности труда как деятельности.

В центре концепта «Труд» находится образ человека-труженика, в соответствии с этим утверждением человеку трудолюбивому противопоставляется человек ленивый. Концептуальный признак «бездельничать», согласно исследованиям В. М. Мокиенко, может описываться с помощью стереотипных ситуаций, ассоциирующихся у представителя опре-

деленного лингвокультурного сообщества с бездельем, внутри которых выделяются следующие семантические модели: абсолютно ничего не делать; принимать позу, которая ничего не позволяет делать; болтать, празднословить; заниматься бесполезной и бесплодной деятельностью [11].

Каждая из этих семантических моделей обладает высокой номинативной плотностью, которая требует детального описания.

Основная часть.

В нашем исследовании «Концепт труд/лень в неродственных языках» [8], выполненном на материале пословиц, эти модели были расширены [8, с. 119–128]. Как отмечает И. А. Стернин, пополняет содержание концепта анализ синонимов, симилий, антонимов ключевой лексемы [16, с. 62]. С целью анализа содержания концепта были отобраны глагольные лексические единицы, вербализующие признак «болтать, празднословить». Собранный нами материал свидетельствует о том, что безделье ассоциируется с пустословием, другими словами, тратой времени на пустые бессодержательные разговоры. Лексические единицы, объективирующие концептуальный признак «болтать, празднословить», могут рассматриваться как группа лексем, относящихся к оценочным предикатам, которые оцениваются на шкале знаком «минус».

Все вышеуказанные основания обусловили выбор объекта нашего исследования: глаголы с семантикой пустословия. Лексика со значением пустословия относится к характеристикам, которые по признаку универсальности могут быть присущи большой